

А. В. ПАЙКОВА

**ДРЕВНЕСИРИЙСКАЯ ВЕРСИЯ
СБОРНИКА «КАЛИЛА И ДИМНА»
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ**

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук*

Научная библиотека СПбГУ

1001200677

А. В. ПАЙКОВА

ДРЕВНЕСИРИЙСКАЯ ВЕРСИЯ
СБОРНИКА «КАЛИЛА И ДИМНА»
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

● АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук*

Научный руководитель чл.-корр. АН СССР,
проф. Н. В. Пигулевская

53188

2
2339

Диссертация выполнена в Кабинете Ближнего Востока Ленинградского
Отделения Института народов Азии АН СССР.

Защита состоится на заседании Ученого Совета Восточного факультета
Ленинградского университета 1967 г.

Автореферат разослан « » 1967 г.

Предлагаемая работа посвящена одной из наиболее ранних редакций, так называемой древнесирийской версии знаменитой книги «Калила и Димна», возникшей в Индии и обошедшей почти все страны мира. Говоря о значении этого памятника, о его роли в развитии мировой литературы, академик И. Ю. Крачковский писал: «Так протянулись нити из далекой Индии к близкой нам Европе; отбросить хоть одно звено в этой мировой цепи — значит обречь себя на ее непонимание».¹

Сам по себе сборник настолько интересен, что постоянно привлекал и привлекает внимание исследователей, переводчиков и читателей. Существует обширная литература, посвященная отдельным его версиям — индийским, арабской и другим. Сирийские версии освещены и изучены значительно слабее. Если литература, связанная с арабской версией, в частности арабская литература на эту тему, исчисляется сотнями названий, то по поводу древнесирийской версии написано одно большое предисловие к изданию текста, несколько статей, да две—три небольших монографии. На русском языке нет ни одной посвященной ей работы, не было сделано до сих пор и перевода ее на русский язык, в то время как «Панчатантру», «Хитопадешу» и арабскую «Калилу и Димну» переводили неоднократно. А между тем сирийская версия представляет большой научный и художественный интерес.

В своей диссертации мы попытались дать характеристику древнесирийской версии сборника, анализ его формы и содержания, стараясь не вырывать ее из той мировой литературной цепи, в которую она входит как одно из составных звеньев. Собственно, это получилось само собой. Ведь анализ такого рода произведений в конечном счете неизбежно

¹ И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. 2, М.—Л., 1956, стр. 442.

сводится к анализу произведения в целом, независимо от какой бы то ни было версии, т. к. выражаясь словами И. Ю. Крачковского, «все версии представляют единое литературное явление во многовековом развитии».

Для сравнения с сирийским текстом были привлечены арабская и индийские версии. В Индии сохранилось несколько редакций сборника, среди которых самая известная — «Панчатантра», а самая ранняя — «Тантракхьяика» (последние были использованы нами в переводах на русский и немецкий языки). Как показал своими трудами И. Гертель,² «Тантракхьяика» отражает оригинал наиболее полно и точно. Однако она содержит лишь пять глав, тогда как древнесирийская версия дает представление о десяти главах индийского происхождения и может служить для реконструкции отдельных черт санскритского оригинала.

Приведенный нами материал может служить как вспомогательный при решении спорного вопроса о датировке «Артхашастры». В этом политико-экономическом трактате, приписываемом министру императора Чандрагупты Каутилье, подробно и последовательно изложены основные положения внешней и внутренней царской политики. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что наш свод составлен по образцу этой книги, а в целом ряде пунктов можно отметить несомненное единство. Напрашивается вывод, что автор нашего сочинения был знаком с «Наукой политики» Каутильи — вероятно, он просто позаимствовал отсюда отдельные положения, — а если наш автор при составлении своего свода пользовался «Артхашастрой», то ее возникновение никак нельзя отнести ко времени более позднему, чем время возникновения первого варианта книги, из которой впоследствии выделилась «Панчатантра».

Сравнение сирийского перевода с арабским, появившимся позднее и приобретшим необыкновенную популярность, позволяет увидеть, какую большую творческую работу проделали арабы — от Ибн ал-Мукаффы, первого переводчика книги, до безвестных ее переписчиков — и воздать должное их труду. Арабская версия «Калилы и Димны» — это не столько перевод, сколько самостоятельная, оригинальная, глубоко самобытная книга.

² Tantrakhyayika, die älteste Fassung des Pancatantra, aus dem Sanskrit übersetzt mit Einleitung und Anmerkungen von J. Hertel. Leipzig und Berlin, 1909. См. также: The Panchatantra reconstructed. Text, critical apparatus, introduction, translation by F. Edgerton, New Haven, 1924.

Древнесирийская версия позволяет устранить неточности в целом ряде исследований, посвященных творчеству Ибн ал-Мукаффы и построенных без учета сирийского текста; более того, она помогает установлению важных фактов его писательской деятельности. Таким образом, изучение древнесирийской версии приобретает большой интерес не только для истории сирийской литературы, как одно из ее немногочисленных светских произведений, но также для индийской и арабской литературы.

В первой главе нашей работы мы попытались изложить историю возникновения сборника и историю его изучения. Материал, собранный в этой главе, делится на три части:

- 1) история сборника и его изучение в Европе,
- 2) «Калила и Димна» на русском языке,
- 3) арабские авторы об Ибн ал-Мукаффе и его переводе «Калилы и Димны».

Здесь в распределении материала наблюдается некая диспропорция: большее внимание — по объему — уделено арабским источникам. Однако это всего лишь объективное отражение состояния изучения этого произведения и свидетельство его популярности в арабских странах. Приведенные нами работы, наиболее характерные на наш взгляд, составляют лишь незначительную часть всей существующей на арабском языке литературы на эту тему.

Так как почти все работы европейских авторов в большей или меньшей степени касаются вопроса о происхождении древнесирийской версии, мы сочли целесообразным включить подробное рассмотрение этого вопроса в раздел, посвященный обзору работ названных авторов.

Задача состояла в том, чтобы решить, непосредственно с санскрита был сделан сирийский перевод, как считают некоторые ученые, или через посредство пехлеви (среднеперсидский язык), как утверждают другие. До сих пор исследователи обращались лишь к анализу языка сирийского памятника — в данной работе мы впервые обратились непосредственно к его содержанию. Сравнительный анализ арабской, сирийской и индийских версий позволил сделать интересные наблюдения и найти убедительные, на наш взгляд, доводы для окончательного решения этого вопроса.

Вторая и третья главы посвящены анализу сборника с точки зрения его формы и содержания. Здесь на примере нашего памятника дано описание излюбленного на Востоке

композиционного приема, называемого в литературе «врамлением», «обрамленной повестью», или «рамочным приемом». На основе жанровых характеристик дана классификация занимательных отрывков, включенных в основной текст книги. В этой точке изложения вторая глава как бы перекликается с третьей. Что есть собственно основной текст книги — поучения или занимательная часть?

«Калила и Димна» представлена нами как «государево зеркало», ибо в этом видели ее главное назначение составители и авторы сборника. Впоследствии книга вышла далеко за рамки своего первоначального назначения и превратилась в замечательную коллекцию басен, сказок, пословиц и поговорок, любимых и заботливо хранимых многими народами. Таким образом, иллюстративный материал стал основной целью книги, а правила поведения, разбросанные без какой бы то ни было системы по всему тексту, как бы растворились в нем. Выделенные из массы этого развлекательного материала, приведенные в определенную систему, они составляют стройный, законченный свод.

Эта первоначальная работа, сделанная нами, позволила составить отчетливое представление о том, чему именно и как учила книга, о характере морали, проповедуемой в ней, о том, авторское это сочинение или «народная книга», по поводу чего в среде индологов существуют разногласия.

С нашей точки зрения, это несомненно авторская книга с ярко выраженной тенденциозной направленностью. Лицо автора выступает вполне отчетливо, мы отмечаем ряд деталей, в связи с которыми можно говорить об элементе автобиографичности.

Выделяя дидактическую основу сборника как наиболее для него характерное, следует отметить однако, что многочисленные вставные истории, а также мудрые изречения, привлеченные в качестве иллюстраций к поучениям, дают живую и объективную характеристику жизни современного авторам общества. Они рисуют безысходную нужду, в какой живут бедняки-ремесленники, власть и могущество денег, без которых «жизнь подобна смерти, а смерть, как отдых», всякого рода несправедливость и притеснения. Они показывают трудолюбие, находчивость, остроумие и благородство простого человека. В них, в этих иллюстрациях, отразились наблюдательность, живой острый ум и «буйная сила цветистой фантазии народов Востока». И в этом плане «Калилу и Димну» можно назвать условно «народной книгой».

Глава I. Происхождение сборника «Калила и Димна» и история его изучения

Книга «Калила и Димна» ведет происхождение из Индии. Она возникла в I—II вв. н. э. на языке древних индийцев — санскрите. Название свое получила — очевидно, — уже на иранской почве — по именам двух братьев-шакалов, действующих в первой главе. В Индии сохранилось несколько редакций древнего санскритского оригинала. Сам же оригинал утрачен, и судить о нем с большим или меньшим успехом можно лишь по многочисленным переводам и обработкам.

Более или менее отчетливо ее история начинает проследживаться с VI в., когда придворным врачом Хосрова Ануширвана (535—579) Барзудей был сделан перевод ее на пехлевийский язык. Неизвестно, как долго после этого персы хранили свой перевод «Калилы и Димны», но только, в конце концов, и он исчез безвозвратно так же, как индийский оригинал. К счастью, это случилось уже после того, как Ибн ал-Мукаффа, выдающийся деятель арабской культуры VIII века, успел перевести «Калилу и Димну» на арабский язык. Благодаря именно этому переводу она стала известна почти повсюду.

Начиная с XI в., знаменитую книгу переводили, пересказывали, обрабатывали и издавали. Известны греческая, несколько персидских, турецкая, еврейская, итальянская, испанская, французская и многие другие версии «Калилы и Димны».

На сирийский язык книга была переведена дважды. В VI в. некий христианский священник по имени Буд перевел ее с пехлеви, — так называемая древнесирийская версия — а в XI—XII вв. появился новый сирийский перевод, сделанный уже с арабского, — новосирийская версия. Наша работа посвящена наиболее интересной и близкой к оригиналу древнесирийской версии «Калилы и Димны».

Долгое время ученые знали о ней очень немного. Сохранилось единственное упоминание в виде короткого сообщения в источнике XIII в. — каталоге сирийских рукописей, составленном Абдишо бар Бериха (ум. в 1318 г.), епископом Собы и Нисибии, который утверждает, что Буд сделал свой перевод «Калилы и Димны» «мэн хендавайя», то есть «с индийского». Если верить этому утверждению, выходит, что перевод Буда — непосредственное отражение древнего санскритского произведения, и это было бы особенно ценно по-

тому, что пехлевийский перевод утрачен, а тибетский, сделанный тоже непосредственно с санскрита, представлен лишь одной главой.

В 1871 г. в результате продолжительных поисков удалось найти рукопись, содержащую сирийский перевод «Калилы и Димны», который спустя еще несколько лет был опубликован немецким ориенталистом Г. Биккелем.³ Издание сирийского текста позволило судить о достоверности (или недостоверности) данных Абдишо более определенно. Исследователи подвергли сомнению возможность непосредственного перевода с санскрита на сирийский язык, хотя и не возражали против нее категорически, оставляя окончательное решение до обнаружения новых рукописей. Основным аргументом, который они приводили, было то обстоятельство, что в языке сирийской версии обнаруживаются довольно отчетливо следы пехлевийской редакции. Особенно красноречиво о связи сирийского перевода с пехлевийским говорят имена собственные, сохранившие в целом ряде случаев среднеперсидское звучание. Т. Бенфей во введении к изданию текста дает детальный анализ некоторых имен собственных, понимание которых без привлечения пехлеви абсолютно невозможно.

Нам кажется однако, что привлечение одного только языкового материала без учета самого содержания книги, как это имело место до сих пор, делает исследования односторонними, а выводы не всегда убедительными. Ведь персидскую лексику в сирийском тексте можно отнести за счет иранских заимствований в сирийском языке, пехлевийская же окраска имен собственных может быть объяснена, правда не без натяжки, тем, что наш переводчик, — перс по происхождению, — при передаче трудных по форме и чуждых ему по звучанию санскритских имен предпочел использовать персидские слова, понятные ему самому и его читателям.

В нашей работе для решения вопроса о происхождении древнесирийской версии «Калилы и Димны» сделана попытка обратиться непосредственно к содержанию сборника и путем сравнения сирийского текста с арабским и с текстом «Панчатантры», а также «Тантракхьяки» отыскать закономерности, свидетельствующие в пользу или против непосредственной связи перевода Буда с санскритским оригиналом. Задача выявления таких закономерностей чрезвычайно осложняется тем обстоятельством, что сам оригинал, как мы

³ Kaliilag und Damnag. Alte syrische Übersetzung des indischen Fürstenspiegels. Leipzig, 1876.

упоминали, утрачен, и судить о нем можно по тексту «Панчатантры», принимая ее за оригинал лишь условно.

Сравнение названных текстов по содержанию помогло установить, что сирийский и арабский варианты ближе друг к другу, чем сирийский и индийские. Совпадения в арабском и сирийском текстах, когда один и тот же санскритский образ заменен другим и в то же время общим для обоих текстов или отсутствует в том и другом одновременно, предполагает наличие какого-то общего оригинала, с которого эти переводы были сделаны. Другими словами:

1. Совпадения в сирийском и арабском переводах — совпадения не только общего характера, но и в частностях, в деталях — говорят за то, что переводчики имели общий оригинал.

2. Оригиналом для них не мог быть древний санскритский сборник, так как отдельные отрывки, одинаково изложенные у Ибн ал-Мукаффы и Буда, в то же время отличаются от изложения в «Панчатантре» и в «Тантракхьянке».

3. Оригиналом мог быть только пехлевийский перевод Барзуи, так как известно, что арабский перевод Ибн ал-Мукаффы был сделан с пехлеви, а, значит, и сирийский тоже, тем более, что и язык и содержание последнего обнаруживают отчетливые следы пехлевийской редакции.

Глава II. Композиция сборника

«Калила и Димна», известная преимущественно в арабской редакции, является отражением санскритского оригинала. Существуют разные мнения о том, сколько глав включала первоначальная редакция. Одни ученые считают, что пять, другие — двенадцать, третьи — тринадцать или четырнадцать. Количество глав в последующих версиях неодинаково: так в арабском переводе Ибн ал-Мукаффы их двадцать, в древнесирийской версии Буда — десять, в новосирийской версии — пятнадцать и т. д. Однако индийские главы почти всегда можно узнать и отделить от позднейших новоперсидских и арабских дополнений. Главы неоднородны и не связаны между собой общей сюжетной линией. Каждая посвящена какой-нибудь одной поучительной идее: о том, что нельзя следовать советам клеветников, о том, какой вред влекут за собой поспешные решения, о пагубных последствиях глупости и т. д. Начало всех глав сделано по одной формуле. Царь Дабшалим говорит философу Байдебе о том,

что выслушал предыдущую притчу и хочет услышать новую, сообщая при этом, что именно его интересует.

Иногда царь просто задает какой-нибудь вопрос, а философ отвечает. И в том, и в другом случае проводится притча, которая служит обрамляющим рассказом каждой данной главы, а вопрос царя и ответ философа являются как бы своеобразным эпиграфом к этому рассказу. В обрамляющий рассказ вставлено несколько притч, которые или нанизаны на общую нить повествования одна рядом с другою, подобно ожерелью, так что конец одной служит началом другой, или вставлены одна в другую. Количество вставных притч в разных главах неодинаково. Так, в главе «О льве и быке» в обрамляющий рассказ о быке, случайно попавшем во владения льва и погибшем от интриг его приближенных, включено более десятка притч. В главе о голубе рамкой служит история дружбы мыши, ворона, черепахи и газели, а вставные притчи рассказывают о жадном волке, который хотел сделать большие запасы, но погиб от удара лопнувшей тетивы, и о женщине, менявшей очищенный сезам на неочищенный.

Живые, остроумные коротенькие рассказы эти пересыпаны нравоучительными сентенциями, которые и являются главной целью книги, ее основой основ. Поучения иллюстрируются также многочисленными пословицами и разного рода мудрыми изречениями, причем по каждому поводу приводится не одно, а несколько изречений, так что за ними теряется иногда при чтении основная нить рассказа.

«Калила и Димна» — это истории из жизни птиц и зверей. Беседы их внутри общей рамки строятся двумя способами. 1) Один из собеседников высказывает какое-нибудь положение и старается подкрепить его соответствующей случаю пословицей или поговоркой. Второй возражает и тоже приводит разные изречения, как бы споря с первым в мудрости. 2) Второй способ построения диалога состоит в том, что один из собеседников, поучая другого или предостерегая его от необдуманного поступка, иллюстрирует свою мысль не пословицей, а какой-нибудь притчей.

Притчи различны по величине и форме. Это могут быть отдельные эпизоды или короткие незатейливые истории с моралью в начале или конце повествования. Такие притчи ближе всего к басне. Весьма близки к нравоучительной басне сказки из жизни животных, отличающиеся однако более плавным, постепенным развитием действия. Эта категория представлена в сборнике очень широко. Имеют место также

и бытовые сказки с острой социальной направленностью, с противопоставлением богатства и бедности, с положительным героем, который выходит победителем из конфликта. Элементы волшебной сказки нашли отражение в истории отшельника и мышонке, которого отшельник превратил в девочку и воспитал, как свою родную дочь. Сказки авантюрного и исторического характера, судя по древнесирийской версии, в «Калиле и Димне» не представлены. Мифологические мотивы отражены в некоторых притчах или отдельных намеках.

Наряду с притчей-басней и притчей-сказкой имеет место притча-новелла. Это рассказ, где действуют не животные, как чаще бывает в баснях, а люди, и жизнь их изображена с подлинным реализмом. Сцены из быта простых людей, ремесленников и купцов, проделки мелких воришек и мошенников, истории о неверных женах и обманутых мужьях — вот темы этих рассказов. Жанровые зарисовки сделаны несколькими штрихами, но настолько живо, что представляешь их зрительно. Для новеллы характерно трехленное строение, — то есть группировка в центре рассказа трех действующих лиц, выполняющих одинаково главные роли, так что без участия одного из них композиция распадается. Сюжетная схема в большинстве случаев проста и незатейлива, но иногда усложняется неожиданной концовкой. Такой рассказ отчетливо делится на две части, из которых первая имеет вполне законченное самостоятельное значение, вторая же содержит важный поворотный момент, дающий событиям новый неожиданный исход. Такое усложненное построение характерно не только для новелл, но и для многих сказок, входящих в сборник.

Есть в сборнике притчи, которые нельзя отнести ни к одному из названных жанров. Они занимают как бы промежуточное положение. Когда в обычные басенные или сказочные сюжеты вводятся реалистические детали или когда в бытовой новелле появляется сказочный элемент, возникает особый тип повествования, который трудно отнести к тому или иному жанру. Басни утрачивают условный и отвлеченный характер, а реалистические новеллы приобретают черты назидательности, присущие басням.

Есть группа притч, определенно тяготеющих к драматическому жанру. Для них характерно почти полное отсутствие описания, будь то описание характеров или места действия и времени. Характеристика героев ограничивается не-

сколькими словами или отсутствует вовсе и выводится на основании их поступков. Описание места действия также скупое и сдержанное, носит характер авторской ремарки. Большую часть повествования занимает монолог и диалог, почти не оставляя места косвенной речи. Притчи такого типа представляют собой или небольшие сценки с элементами драматического действия или вполне совершенные в смысле сценической формы драматические отрывки, которые четко подразделяются на акты и картины, в соответствии со всеми требованиями театрального искусства.

Таким образом, очень простая, но необычайно емкая форма, нашедшая воплощение в композиции нашего сборника, включает отрывки, представляющие основные жанры художественной повествовательной литературы от простейшей притчи до новеллы, а также сложные драматические построения. Здесь мы найдем и аллегорию басни, и реализм бытового рассказа, и героический миф. Связь между отдельными отрывками самая поверхностная, так что некоторые из них с давних пор выделились из общей рамки и существуют самостоятельно. Подвергнувшись разным обработкам, они изменились настолько, что иногда трудно установить связи с их первоначальным вариантом. С другой стороны, подобная композиция позволяет включать все новые и новые отрывки, что и привело к тому, что иллюстративный материал, служивший первоначально средством для подкрепления нравов, стал основной целью книги, а сама она превратилась из «зеркала государей» в собрание басен, рассказов и сказок, известное почти всем народам мира.

Глава III. «Калила и Димна» как зеркало

Книга «Калила и Димна» носит нравоучительный характер. Основная и первоначальная ее цель — научить правителей мудро и справедливо управлять своим государством. Об этом говорит введение, излагающее историю возникновения книги и связанное с именами индийского владыки Дабшалима и философа Байдебы (в сир. версии Дабшарим и Бидуг). В древнесирийской и арабской версиях царь и философ появляются вновь в начале каждой главы, и их диалог, подчеркивает всякий раз дидактическое назначение книги. Хотя легенда о Байдебе и Дабшалиме не может служить надежным свидетельством, тем более, что включающее ее введение, как выяснилось, принадлежит персам и относится ко вре-

мни значительно более позднему, чем время возникновения санскритского сборника, все же она верно передает его дух и направление.

В предлагаемом разделе работы мы попытались, используя материал древнесирийской версии, рассмотреть сборник именно в этом аспекте, чтобы определить, насколько он соответствовал своей первоначальной цели — служить руководством для царей в управлении их государствами. Эта цель как первоначальная была отмечена целым рядом исследователей (И. Ю. Крачковский, Е. Э. Бертельс, Т. Бенфей, К. Броккельман, В. Рубен и др.).

Поучения, адресованные царям, как и поучения общего характера, разбросаны по всему тексту книги, пересыпаны пословицами и афоризмами, иллюстрированы притчами.

Правителям в книге отводится самое большое место. Подробно описаны жизнь двора и свиты, придворный церемониал, дворцовые интриги и заговоры. Особенно характерны в этом отношении глава «О льве и быке» и следующая за ней в арабской версии «О расследовании дела Димны», а также глава «О льве и шакале».

Лев, царь зверей, живет в пещере. Его окружают шакалы, лисы и другие животные. Одни из них в чести другие лишены царских милостей и доверия. Звери постоянно борются между собой за возможность приблизиться к владыке, используя при этом далеко не благовидные средства: хитрость, лесть, обман. При дворе царят лицемерие и ханжество.

«Калила и Димна» однако не только разоблачает, но и учит — учит тому, как должен поступить правитель в той или иной сложной ситуации в мирное время и во время войны. При этом мораль носит чисто практический утилитарный характер. «Калила и Димна» это учебник мудрости, а не добродетели, а в основе ее лежит правило: для достижения цели хороши любые средства.

Чаще всего говорится о необходимости советчиков для царя и о пользе их советов.

Владыка может добиться успеха в своих делах только в том случае, если у него есть хорошие советчики и, наоборот, как бы умен, красноречив и справедлив он ни был, удачи не будет, если он лишен толковых помощников. Эта заповедь повторяется бесконечно и в самых разных вариантах.

Советчики должны быть людьми умными, опытными, честными и решительными. От их решений и советов зависит престиж царя. Плохие советчики могут дать неверный совет,

который повлечет за собой несчастье. Владыка должен внимательно изучать характер и поведение каждого человека и использовать его в соответствии с его усердием и той пользой, которую от него можно получить. Поэтому человеку, приближенному к владыке, следует показать все свое усердие, а тот должен судить о нем не по словам его, а по делам.

Поощрение и награда — это то, о чем никогда не должен забывать владыка.

Нельзя доверять кому бы то ни было только потому, что его отец был в числе приближенных и, наоборот, не следует пренебрегать тем, кто занимал раньше незначительную должность. И если даже он был обижен владыкою несправедливо и раздосадован этим, его услугами можно воспользоваться, если он человек добросовестный, честный и справедливый. Эта идея кажется автору особенно важной, и он возвращается к ней снова и снова. Уже одно это наводит на мысль, что автор был из среды царских слуг или приближенных, однако он находился, по всей видимости, в числе несправедливо обиженных, ущемленных в правах и т. д.

К самому правителю, к его поведению предъявляются вполне определенные требования. Ему следует быть прямым и искренним, ровным в обращении с подчиненными. Он должен быть терпимым, осторожным, предусмотрительным, гибким и умным в делах управления, снисходить и наказывать, привлекать и отстранять, тщательно обдумывать свои действия, используя в политике любые методы, подчас и недостойные. Последнее вполне соответствует циничному характеру проповедуемой здесь морали.

Для учения, изложенного в «Калиле и Димне», характерна известная противоречивость и неопределенность, она не могла бы стать настоящим практическим руководством. В ней только намечены те вопросы, на которые царь должен обратить внимание, однако окончательных решений не дано, а так как цари показаны не способными к управлению и к самостоятельному решению тех или иных конкретных проблем, то вся книга принимает крайне пессимистический характер.

Автор не справился с задачей, которую взял на себя. Сильнее всего он там, где речь идет о его собственных переживаниях и интересах. Как мы уже отмечали, повидимому этот человек из среды приближенных царя был отстранен по каким-то причинам и стремился к восстановлению своего

прежнего общественного положения. Поэтому он последовательно, убежденно и настойчиво внушает царю мысль о том, что тот может и должен поручать свои дела людям, отстраненным им ранее, провинившимся, наказанным и т. д. В тех случаях, когда задачи книги уведут автора далеко от его собственных устремлений — например, в вопросах внешней политики — и заинтересованность сменяется безразличием, категоричность его суждений переходит в непоследовательность и неопределенность.

Глава IV. О значении древнесирийской версии сборника «Калила и Димна»

При упоминании о «Калиле и Димне», в первую очередь, приходит на память арабская версия сборника, потому что благодаря именно ей эта книга стала так популярна. Переводу Ибн ал-Мукаффы довелось сыграть выдающуюся роль в истории мировой литературы.

Древнесирийская версия занимает в ней место несравненно более скромное. Ее влияние не вышло из рамок сирийских литературных связей, но в этих пределах значение сирийской книги было едва ли не большим, чем значение книги Ибн ал-Мукаффы для истории арабской литературы. Это одно из немногочисленных произведений сирийской светской литературы, написанное живым разговорным сирийским языком, занимательное по форме и глубокое по содержанию, несомненно, пользовалось популярностью и любовью в среде сирийцев. Не случайно наиболее меткие и образные изречения включены в известное произведение блестящего сирийского писателя и ученого Бар Эбрея — в его «Книгу занимательных историй» — а целый ряд рассказов и сказок, передаваемых из уст в уста, до сих пор бытует в народе, став неотъемлемой частью сирийского фольклора.

Судьба древнесирийской версии была и счастливой и несчастливой одновременно. «Несчастливой» по сравнению с блестящей судьбой арабской версии, которая, вызвав к жизни целый ряд новых обработок и переводов, обошла все страны мира. «Счастливой» в отличие от той же арабской версии, изменившейся в результате многочисленных обработок настолько, что вряд ли может сослужить хорошую службу, если мы захотим составить представление о древнем санскритском произведении или о пехлевийском переводе его.

Древнесирийская версия приобретает по сравнению с

арабской первостепенное научное значение, ибо забытая и оставленная на многие века, сохранила неизменным свой первоначальный состав. Все десять глав древнесирийской версии входили, по-видимому, в состав индийского оригинала и все они, за исключением двух — «О Биларе» и «О царе мышей», — дошли до нас в различных индийских источниках. Что касается главы «О Биларе», то хотя она и не сохранилась на индийской почве, тем не менее индийское ее происхождение несомненно. Эта глава была найдена А. Шифнером в тибетском буддийском своде «Канджур» вместе с другими рассказами, близкими «Панчатантре».

Это единственная глава, где антибрахманская тенденция выражена вполне отчетливо, поэтому она и не могла удержаться на индийской почве. Однако она имеет место во всех известных нам вариантах «Калилы и Димны», и ее принадлежность к индийскому оригиналу не может вызывать никакого сомнения.

Некоторые разногласия исследователей вызывает вопрос о десятой главе, названной в древнесирийской версии по имени царя мышей Михраяд. Часть ученых считает эту главу индийской, другие предполагают, что она сочинена персами, и, наконец, третьи заявляют, что эта глава — арабская. Учитывая то обстоятельство, что глава «О царе мышей» входит в состав древнесирийской версии, можно с полной уверенностью утверждать, что она не могла быть сочинена арабами. Эта глава непременно должна была содержаться в пехлевийской версии, а, может быть, она входила и в состав индийского оригинала, как считают, например, Б. Я. Владимирцов и др. Последнее предположение кажется нам наиболее вероятным, т. к. по своему сюжету, по композиции и по содержанию глава «О царе мышей» очень напоминает другие индийские главы, в частности «О совах и воронах». В первой царь мышей, а во второй царь сов совещаются со своими министрами, обсуждая планы защиты и спасения от врагов. Как отмечает В. Рубен, борьба двух враждебных царей, совещающихся со своими министрами, была излюбленным для индийской литературы сюжетом. В древнесирийской версии один из министров предлагает сделать колокольчики и привязать каждой кошке на шею, чтобы всякий раз, как кошки будут приходить и уходить, мыши замечали их. Мотив колокольчика в истории мышей и кошки воспроизводится в одном монгольском рассказе, только здесь говорится о мышах, обманувших кошку и повесивших ей на шею колоколь-

чик, то есть мыши в монгольском рассказе как бы приводят в исполнение совет министра сирийской и арабской повестей. Несомненно, что рассказ этот попал в Монголию прямо из Индии, тем более, что ни один из известных нам вариантов, восходящих к пехлевийской версии, не совпадает с приведенным монгольским рассказом в его основной детали. В сирийской и арабской версиях «Калилы и Димны», в сборнике пословиц и поговорок, составленном ал-Муфаддалем, в сборнике ал-Майдани и, наконец, в коллекциях сказок на языке урду мыши только собираются повесить колокольчик, в монгольской же версии они осуществляют свой замысел.

Итак, все десять глав древнесирийской версии восходят, как нам кажется, к древнему санскритскому оригиналу.

Если обратиться к соответствующим главам арабской версии, можно заметить, что перевод Буда более строг и точен, чем перевод Ибн ал-Мукаффы. Последний отражает оригинал лишь приблизительно. Это скорей свободная передача, чем перевод в нашем понимании. В силу различных обстоятельств Ибн ал-Мукаффе приходилось многое выпускать из текста, а кое-что добавлять от себя. Так, первое, что бросается в глаза, это большое сокращение в начале главы «О льве и шакале», где отразились далекие арабам буддийские представления о переселении душ.

В главе «О совах и воронах» есть рассказ о превращении мышонка в девочку. В древнесирийской версии и в «Панчатантре» превращение это осуществляет некий благочестивец, у Ибн ал-Мукаффы же благочестивец обращается с этой просьбой к богу. И в других, подобных этому, случаях, Ибн ал-Мукаффа выражается с присущей ему осторожностью. В некоторых местах он выпускает имена героев индийской мифологии, заботливо сохранные, правда, в несколько искаженном виде, Будом.

Наиболее ранняя по времени, свободная как от индивидуального влияния переводчика, так и от последующих обработок, древнесирийская версия представляет точное воспроизведение оригинала. Именно она, наряду с «Тантракхьянкой», должна стать мерилем при установлении рамок первоначального сборника. Все, что входит в «Панчатантру» и что включено в «Калилу и Димну» Ибн ал-Мукаффы, можно отнести к древнему оригиналу только в том случае, если этому будет найдено подтверждение на страницах древнесирийской версии. Остальное же является творчеством индийских и арабских авторов более позднего времени.

68165

18

Однако значение древнесирийской версии не исчерпывается теми возможностями, какие она представляет ученым в работе по восстановлению некоторых деталей индийского оригинала. Ни одно исследование, посвященное творчеству Ибн ал-Мукаффы, не может претендовать на полноту и точность, если авторы не используют материала древнесирийской версии. Так, некоторые арабские критики делают выводы о религиозно-философских воззрениях Ибн ал-Мукаффы, исходя лишь из содержания арабской «Калилы и Димны», и иллюстрируют свои положения отрывками, которые, как выясняется с привлечением древнесирийской версии, восходят к индийскому оригиналу. Или, например, утверждая, что многие пословицы, поговорки, и поучения, встречающиеся в «Калиле и Димне», носят чисто арабский «мусульманский» характер и взяты из Корана или хадисов пророка, приводят в качестве примеров изречения, которые в большинстве своем имеют место в сирийском тексте. Несомненно, что Ибн ал-Мукаффа пользовался и кораническими выражениями, и арабскими пословицами. Но не менее очевидно также и то, что отдельные афоризмы и поучения из «Калилы и Димны», в свою очередь, обогатили арабский фольклор. Поэтому, нам кажется, подходить к решению вопроса о характере взаимосвязи в каждом таком случае следует с большой тщательностью и осторожностью, непременно учитывая при этом текст оригинала, а при отсутствии последнего, как это имеет место у нас, текст параллельного перевода.

Древнесирийская версия не только уточняет, но и дополняет научный фактический материал. Известно, что многие изречения, пословицы и поговорки повторяются почти дословно в книге «Калила и Димна» и в «Наставлениях» Ибн ал-Мукаффы. Исследователи выражают сомнения по поводу того, написал Ибн ал-Мукаффа свои «Наставления» под влиянием «Калилы и Димны» или, наоборот, включил в нее при переводе отрывки из своих собственных произведений. Привлечение сирийского перевода позволяет решить и этот вопрос. Отдельные пословицы, а иногда и целые отрывки, повторяющиеся в «Наставлениях» и в «Калиле и Димне», легко отыскать в сирийском тексте, с «Наставлениями» никак не связанном.

Наблюдения, накопленные в процессе изучения древнесирийской версии «Калилы и Димны» дают возможность судить о том, какой полезный материал дает она в руки исследователя в области сирийской, арабской и индийской литератур.

По теме диссертации опубликованы следующие материалы:

1. К вопросу об изучении сборника басен «Калила и Димна». «Вопросы истории и филологии стран зарубежного и советского Востока», М., 1962, стр. 112—121.

2. Рассказы о верных и неверных женах. (Из древнесирийской версии «Калилы и Димны»). Перевод. «Восточная новелла», М., 1963, стр. 121—125.

3. «Калила и Димна» и «1001 ночь» в Советском Союзе. «Аш-шарк», Каир, 1963.

4. Композиция сборника «Калила и Димна» (по древнесирийской версии). «Палестинский сборник», вып. 11, 1963, стр. 139—154.

5. О значении древнесирийской версии сборника «Калила и Димна». «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 86, М., 1965, стр. 35—44.

Выходят из печати:

1. О происхождении древнесирийской версии сборника «Калила и Димна». «Палестинский сборник», вып. 17, 1967.

2. Калилаг и Дамнаг. Перевод и исследование древнесирийской версии сборника «Калила и Димна», издательство «Наука».

БЕСПЛАТНО

Д
2339